

щество того, кого они назовутъ еретикомъ. Опять начинались взаимныя пререканія между обоими сословіями, а одинъ епископъ похвалялся тѣмъ, что духовенство „еще не такъ строго пользовалось своей юрисдикціей“, а вотъ теперь начнетъ дѣйствовать на всей своей волѣ. Изъ-за этихъ споровъ, соединенныхъ съ чисто личными перебранками, всѣ „коронныя“ дѣла и на этомъ сеймѣ остановились; послы были этимъ страшно недовольны, жаловались на пустую трату времени, а дѣло между тѣмъ откладывалось для разсмотрѣнія его въ „радѣ“ до продолженія сейма, имѣннаго состояться въ Краковѣ; но церковная юрисдикція, по крайней мѣрѣ, приостанавливалась на это время. Сеймъ окончился ничѣмъ, не давъ даже податей, а продолженіе его въ Краковѣ не состоялось.

Не было болѣе шумнаго сейма въ Польшѣ, — сказано въ дневникѣ сейма піотрковскаго 1562—3 г. Сначала шло все довольно гладко, но едва дѣло коснулось правъ духовенства, начались старыя споры. Оссолинскій повторилъ свои прежніе аргументы о „трехъ артикулахъ вольностей польскихъ“; примасъ Уханскій защищалъ каноническое право средневѣковыми аргументами теории двухъ властей; Оссолинскій обѣщалъ „доказать, что въ церкви римской есть явная идолатрія“, и хотя эти слова вызвали, какъ говорится въ дневникѣ сейма, нѣкоторый „disturbium“ въ посольской избѣ, въ которой были католики, но всѣ — и католики, и протестанты — послали сказать королю, что до тѣхъ поръ они не будутъ „конклюдовать“ о податяхъ, пока, между прочимъ, со шляхты не снимутъ церковной юрисдикціи. Тутъ сдѣланъ былъ шагъ впередъ къ рѣшенію вопроса: шляхта отказывалась вести дальнѣйшіе споры и выслушивать новыя возраженія епископовъ и просила у короля одного, — пусть вопросъ принципиально остается неразрѣшеннымъ, лишь бы старосты не приводили въ исполненіе приговоровъ, постановленныхъ не по польскому праву. Такая постановка вопроса страшно испугала епископовъ, и когда король обѣщалъ посольской избѣ дать ей согласіе „на письмѣ“, епископы быстро покинули сенатъ и разошлись по домамъ, а потомъ долго воздерживались отъ посѣщенія королевской „рады“, и только боязнь, какъ бы шляхта не воспользовалась этимъ для ихъ окончательнаго изгнанія изъ королевскаго совѣта, заставила ихъ (да и то не всѣхъ) черезъ нѣсколько времени снова появиться въ сенатѣ. Рѣзкая форма епископскаго протеста понятна: полученіе десятинь обезпечивалось тѣмъ, что старосты приводили въ исполненіе рѣшенія духовныхъ судовъ, а послѣднимъ стоило только проклинать, и черезъ годъ у непримирившихся съ цер-